

**Анастасия Троянова**

## **Климатические проекты России в условиях политической изоляции**

Вторжение России в Украину эффектом домино ощутимо затронуло и другие государства, в частности Евросоюз. Там спасаются от обстрелов и бомб жители Украины, туда бегут те россияне, кто больше не в силах мириться с авторитарно-карательным режимом, а еще именно здесь в эти дни происходит ускоренный отказ от ископаемого топлива и переход на зеленую энергию — военная операция на Украине лишь [подтолкнула](#) уже начатый процесс.

В России климатическая повестка никогда не стояла на первом месте, власть заговорила о ней громко и всерьез лишь в два последних года. И вот, не успев окрепнуть, экологический и климатический дискурс вновь уступает место насущным политико-экономическим вопросам. В то время, как развитый мир все быстрее «бежит» в сторону «зеленого» будущего, и без того отстающая Россия сбавляет темп. Компенсировать отказ от импорта угля, нефти и газа страна может лишь ускоренным внедрением новых технологий, но развивать их в отрыве от других государств трудно — а в некоторых отраслях (в их числе декарбонизация) и вовсе невозможно. Ко всему прочему «спецоперация» создала благоприятную почву для [отката](#) части природоохранного законодательства, репрессий в сторону экологических общественных организаций и [отдельных](#) активистов. Недавно в российском парламенте и вовсе [предложили](#) выйти из Парижского соглашения — якобы в нынешних обстоятельствах нужно отказаться от выполнения «потерявших актуальность» экологических обязательств.

На таком фоне [заверения](#) российских властей о том, что климатическая повестка остается в текущих условиях актуальной, вызывают сильные сомнения. В ответ на предложение о выходе из Парижского процесса, глава комитета парламента по экологии и природным ресурсам Дмитрий Кобылкин [заявил](#), что Россия по-прежнему стремиться к углеродной нейтральности, а его заместитель Вячеслав Фетисов уверил: страна не планирует складывать с себя обязательства по выполнению соглашения. Но, как это часто бывает в России, все может измениться в одночасье. Конечно, сомнения по части климатической политики были и до 24 февраля — особенно это касается климатических проектов, реализация которых активно обсуждалась в правительстве и бизнес-среде весь прошлый год. Рассказываем, что происходит с климатическими проектами в России и какие барьеры для их реализации появились теперь.

### **Свой путь**

В 2021 году в России активно обсуждались вопросы устойчивого развития бизнеса, регулирования выбросов парниковых газов и торговли углеродными единицами. Компании пытались внедрять принципы ESG в свои жизненные стратегии и стремились попасть в рейтинги устойчивости, а ни одно крупное мероприятие не обходилось без «зеленой» повестки. Такой взрывной интерес появился неспроста. Во-первых, всех «напугал» режим CBAM (Carbon Border Adjustment mechanism). По прошлогодним [оценкам](#) консалтинговой компании KPMG, из-за введения Евросоюзом

трансграничного углеродного налога российские экспортно-ориентированные компании в 2026–2035 гг. могут лишиться от 15.5 млрд до 37.7 млрд евро. Во-вторых, Россия — как обладательница богатых лесных ресурсов — в полной мере собиралась ощутить выгоду от климатических проектов. Владимир Путин [сообщал](#), что приток средств от их реализации, может превысить \$50 млрд в год и призывал отечественный бизнес развивать климатические проекты на родине, а не покупать углеродные единицы за рубежом.

В начале 2022 года спецпредставитель Кремля по вопросам изменения климата Руслан Эдельгериев заявлял: целью №1 для экономики России должен стать выход на глобальные углеродные рынки с результатами климатических проектов. Однако теперь условия изменились настолько, что прошлые намерения либо потеряли смысл, либо заиграли совершенно иными красками. Если раньше климатическая повестка России развивалась с ориентацией на запад, то теперь мы наблюдаем поворот к востоку — в пространства ЕвразЭС и БРИКС.

В апреле [появились](#) сообщения о вероятном запуске механизма «долг в обмен на климат» — госдолг Армении перед Россией могут зачесть с помощью проведения совместных климатических проектов. Эту новость для *KlimaReporter* прокомментировал Вячеслав Вековцев — член международной сети экспертов верификатора парниковых газов Verico SCE (Германия), гендиректор российской организации «Экополис сертификация и сервис».

«Взаимодействие с Арменией — это способ показать миру, что Россия может зайти на международные углеродные рынки со своими климатическими проектами и что углеродные единицы, верифицированные нашими национальными верификаторами, признаются другими странами. Добиться признания западных верификаторов в ближайшие годы не получится, поэтому мы и дальше будем видеть попытки взаимодействия со странами востока, например, с Китаем и Казахстаном, углеродные рынки которых похожи на европейский, — говорит эксперт. — Политический разворот к другим частям света возможно, и дает нам отсрочку на 2-3 года, но глобальная экономика и СВAM никуда не денутся — скоро и Китай введет аналогичный инструмент углеродного регулирования».

Вековцев напоминает, что европейская торговая система появилась раньше других и считается самой продвинутой, поэтому углеродные рынки востока все равно будут синхронизироваться с механизмами Евросоюза. При этом, по мнению Вековцева, климатические проекты в России не остановили развитие, но в связи с военным обострением на Украине они отошли на второй план. Ориентировочно к осеннему саммиту COP27 мы вновь увидим всплеск активности российского бизнеса и правительственных структур в области климатических проектов. К тому же в сентябре в рамках Сахалинского эксперимента запускается первый в РФ региональный рынок, где смогут разместиться углеродные единицы от существующих в стране климатических проектов. Общероссийского углеродного рынка пока не существует — его планируют создавать постепенно, опираясь на опыт отдельных регионов. Первопроходцем станет Сахалин, в ближайшем будущем к нему могут [присоединиться](#) Иркутская и Калининградская области, Башкирия и Хабаровский край. Этот путь похож на тот, что проделал Китай. Там эксперимент тоже начинался с

отдельных провинций, а на национальном уровне углеродный рынок был запущен лишь в прошлом году — сегодня Россия отстает от соседа примерно на 5 лет.

Вместо активного внедрения новых технологий и снижения зависимости от продажи ископаемого топлива, происходит [перенаправление](#) экспорта энергоресурсов на восток. Некоторые российские эксперты вскоре после начала военной операции на Украине полагали, что Китай станет союзником России — с точки зрения потребления ее традиционного топлива и поставок необходимых технологий. Однако пока Китай лишь [снижает](#) импорт российской нефти. «Одним из главных событий прошедшего COP26 стало оформление сотрудничества США и Китая в климатической сфере. Две ведущие экономики мира и два крупнейших эмитента выбросов парниковых газов договорились о стратегическом партнерстве в области декарбонизации. Поэтому не стоит так уж сильно уповать на Китай. Он не будет рисковать своими интересами ради поддержки нашей страны, ведь это поставит под угрозу сложившиеся договоренности, где китайцы и американцы выступают лидерами главного тренда», — объясняет Михаил Юлкин, директор компании «КарбонЛаб», эксперт по климатической политике и низкоуглеродному развитию.

### **Проблемы развития климатических проектов**

Российские климатические проекты пока находятся в стадии зарождения — впрочем как и вся климатическая повестка. Несмотря на многочисленные запуски карбоновых полигонов и ферм, все они еще не относятся к реально работающим практикам, а служат лишь «полями» для исследований. В масштабах страны нет и полноценного мониторинга эмиссий парниковых газов — многие российские компании в точности не знают сколько выбросов они производят. А для закона «Об ограничении выбросов парниковых газов», который вступил в силу в этом году, из-за лоббизма ряда промышленных предприятий была принята «мягкая» модель регулирования, с которой не согласны многие эксперты, — российский бизнес [настоял](#) на добровольных климатических проектах, категорически отвергнув внедрение рыночных механизмов, обязательное регулирование выбросов и торговлю ими на государственном уровне.

Однако к массовой реализации добровольных климатических проектов это не привело — и в ближайшее время мы вряд ли увидим шквал новых инициатив. Из-за того, что российские углеродные единицы уже не пользуются спросом на мировой арене, даже те компании, что проводят мероприятия по снижению выбросов, не хотят тратить ресурсы на оформление этих проектов в качестве климатических. Появились препятствия не только для продажи углеродных единиц (основной покупатель был на западе), но и для верификации климатических проектов — например, добровольные стандарты Verra (США) и GoldStandard (Европа) сейчас не работают с Россией.

«Но пути все равно можно найти, рынок для России не закрылся полностью. Например, по-прежнему реально зарегистрировать свой проект и пройти верификацию через Глобальный углеродный совет (Global Carbon Council) стран Персидского залива или через стандарт SocialCarbon, объединяющий Бразилию, страны Африки и Азии. Вопрос лишь в поиске покупателей», — объясняет Вячеслав Вековцев.

Климатических проектов, реализованных по международным правилам, в России мало. Несколько [инициатив](#) в сегменте Upstream нефтегазового сектора, в ходе которых были выпущены UERы (Upstream Emissions Reductions) и всего один долгосрочный лесоклиматический [проект](#) на Алтае. Но в отсутствие полномасштабного госрегулирования выбросов для перехода на низкоуглеродное развитие точечных инициатив, разбросанных по огромной территории, безусловно мало — нужен целый поток климатических проектов.

Более того, национальный институт верификации только начинает формироваться. «Обязательно найдутся те, кто будет верифицировать не очень добросовестные проекты, которые потом Европа не захочет признавать в качестве климатических. Сейчас начнется период становления и «вычищения» — на мой взгляд, запад признает российские институты верификации и валидации примерно через 10 лет», — рассуждает Вековцев.

В прошлом году российские власти [назначили](#) верификаторами и валидаторами углеродной отчетности организации, которые ранее не занимались подобной работой. Однако, по мнению Михаила Юлкина, верификацию должны проводить компании, имеющие специальную подготовку. «Критерии, которым обязана соответствовать организация-верификатор, кажутся формальными. В качестве обязательных условий не требуется ни опыт работы в этой отрасли, ни профессиональное обучение. Если вы никогда не занимались верификацией, но у вас есть степень кандидата географических наук — это делу не поможет», — считает эксперт.

В 2012 году Россия не присоединилась ко второму периоду обязательств по Киотскому протоколу — с этого момента актуальность климатических проектов в стране и продажа углеродных единиц от них практически сошли на нет. Хотя с 2008 по 2012 годы в РФ существовало более 100 климатических проектов — некоторые из них действительно помогли сократить выбросы парниковых газов, а сгенерированные ими углеродные единицы были успешно проданы. Сейчас все эти проекты (кроме Алтайского лесного) канули в лету — к ним появились новые требования и прошлые инициативы (в основном в области энергосбережения) потеряли статус климатических. Вплоть до 2020-2021 годов о климатических проектах в России мало что было слышно. Из-за длительного периода стагнации стране необходимо заново учиться создавать подобные инициативы (желательно по международным стандартам, а не собственным) и заявлять о себе на мировом углеродном рынке. А делать это было непросто и до «спецоперации» на Украине — достаточно напомнить, например, что весь мир ежегодно следит за масштабными пожарами в Сибири. Именно на леса Россия делает главную ставку в своей климатической политике — поэтому к лесным инициативам внимание будет особенно пристальным.

Хоть и стало сложнее развивать климатические проекты в РФ, делать это по-прежнему необходимо, если страна не хочет выпасть из глобальной экономики. Однако пока климатическая повестка в России, как и многие сферы социально-экономической жизни, находятся в условиях неопределенности, что существенно замедляет, а то и вовсе разрушает намечавшийся еще не так давно прогресс.